

УДК 316.32
ББК 60.523

ТРАДИЦИИ УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

О.И. Сгибнева

В статье анализируется усадебная культура как часть культурного наследия России, играющая особую роль в познании человека и общества. Сохранение культурных ценностей рассматривается как социальный процесс, выражающий преемственные связи поколений.

Ключевые слова: культурное наследие, ценности культуры, преемственность, традиции, социокультурный процесс, культурное пространство.

Культурное наследие России богато и разнообразно. В нем воплощен опыт социокультурной деятельности многих поколений, его ценностный потенциал. Это та сокровищница культуры, которая хранит лучшие достижения, помогая каждому поколению подниматься по ступеням познания мира.

И все же эту сокровищницу современное поколение получило изрядно опустошенной – переломы в судьбе нашей страны сказались и на судьбе культурных ценностей. Утрату многих из них остро ощущают историки, философы, культурологи, искусствоведы, реконструируя историю нашей страны, историю отечественной культуры. Ведь именно в культурном наследии, под которым мы понимаем совокупность культурных ценностей, доставшихся человеку от прошлых эпох, критически осваиваемых и используемых в системе синхронных и диахронных культурных связей, реализуется объективная закономерность культурно-исторического процесса – историческая преемственность, когда на основании достижений предшественников трудами новых поколений создаются новые культурные явления, способные стать ценностями и наследоваться будущим. Культурные ценности воплощают связь веков, связь поколений, создают культурную традицию, формируют менталитет нации.

Историческая преемственность, проявляющаяся в культурном наследии, связывает культуру в единое целое, обеспечивая устойчивость функционирования этого сложного организма. При субъективном вторжении в этот процесс, разрыве преемственных связей происходит утрата культурного опыта, дезориентация субъекта и объекта культуры, что порождает регрессивные и деструктивные тенденции в культуре. А в этом случае именно ценности прошлого чаще всего становятся объектом разрушения как нечто архаическое, отжившее, не соответствующее современности, мешающее развитию нового.

Однако идея создания «новой культуры» с «чистого листа», без опоры на достижения прошлого всегда оказывалась исторической иллюзией. Включая в себя ценности науки и искусства, нравственные, политические, религиозные, лингвистические ценности, обычаи и традиции, опыт человеческого общения и поведения, труда и быта, культурное наследие обеспечивает воспроизводство и самосохранение культуры.

В то же время отношение к культурному наследию не может определяться принципами эпигонства, абсолютизации культурных форм прошлого. Ведь наследование предполагает не просто использование, а критическое освоение ценностей, включение их в пространство современной культуры. Возможность этого и есть критерий актуальности культурного наследия.

На каждом новом этапе своей истории человечество не только осваивает культурное

наследие, но и творит его. Создаваемые сегодня ценности сами в перспективе могут стать культурным наследием для будущих поколений. И это не может не заставлять задумываться о том, что мы оставим будущему. В этом исторический урок, который дает нам прошлое.

Несмотря на раны, нанесенные ценностям отечественной культуры и временем, и людьми, доставшееся нам наследие многообразно по своему содержанию. Одна из составляющих его – усадебная культура.

Сформировавшись в XVIII в., эта культура, с одной стороны, отразила в динамике многие специфичные черты русской культуры Нового времени, с другой – стала одним из факторов ее амбивалентности, разделения на культуру города и культуру деревни, культуру светскую и культуру религиозную, которые также по своему характеру не были однородны.

Возникнув в результате утраты синкретичности культуры, усадьба, тем не менее, сама стала синкретичным явлением, ибо в ней сошлись векторы культуры столичного и провинциального города – и культуры деревни; европеизированной столичной жизни – и подчиненного природным циклам деревенского быта; секуляризованной светской культуры – и православной культуры деревни с сохранившимися в ней отголосками языческих традиций. Все это позволяет говорить о «полифонизме усадьбы», которая представляла собой «социально-административный, хозяйственно-экономический, архитектурно-парковый и культурный центр» [2, с. 3, 5]. Она создавала особую культурную среду, в центре которой был человек, организующий свою жизнь в соответствии со своими идеалами, интересами и потребностями.

Жизнь в усадьбе выступала как продолжение городской жизни и как ее альтернатива. Последнее связано прежде всего с близостью к природе, к ее естественной красоте, которая недоступна человеку в городской жизни. Но здесь человек ощущал и более высокую степень свободы, независимости от светских обязанностей и условностей [4]. Не случайны поэтому строки Е. Баратынского:

Я возвращаюсь к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!

Я возвращаюсь к вам, домашние иконы!
Пусть другие чтут приличия законы;
Пусть другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастья, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! о край, всегда любимый!

В то же время усадебную культуру нельзя рассматривать как неотъемлемую сторону жизни и быта всего высшего сословия: экономические расчеты специалистов показывают, что к началу XIX в. лишь около 3 % стотысячного российского дворянства могли позволить себе загородные усадьбы. По сути дела эти 2–3 тысячи «родовых гнезд» и создали феномен русской усадебной культуры [5, с. 271]. Каждая из них имела свою специфику, ибо отражала и особенности ландшафта, климата, и особенности владельца, его вкусы и интересы, его материальное состояние, его семейный уклад. Но каждая из них представляла собой относительно замкнутую зону, где человек мог позволить себе уединенность, жизнь по своим принципам, которые порой входили в противоречие с господствующими в обществе нормами и правилами. Представляя собой социально-психологическое и культурное пространство, усадьба формировала духовный мир многих наших деятелей культуры, для которых в дальнейшем и сам творческий процесс шел интенсивнее именно в усадьбе. Источником вдохновения были Михайловское и Болдино для А.С. Пушкина, Тарханы для М.Ю. Лермонтова, Карабиха для Н.А. Некрасова, Щельково для А.Н. Островского, Спасское-Лутовиново для И.С. Тургенева, Мураново для Н.В. Гоголя и Ф.И. Тютчева, Абрамцево для С.Т. Аксакова, а затем – для М.А. Врубеля и Ф.И. Шаляпина.

Усадебная культура есть особый феномен отечественной культуры, не сводимый ни к городской, ни к сельской культуре. Она позволяет лучше понять роли центра и периферии в культуре, ведь в усадебной культуре они связаны воедино и не могут существовать один без другого. Потому, наверное, и дали многие «дворянские гнезда» высокие творения духа, вошедшие в наследие отечественной культуры. Сама же усадебная культура, почти полностью уничтоженная в начале

XX в., воспринимается сегодня в основном как ирреальное явление, ушедшее безвозвратно и оставившее лишь фрагментарные следы в виде архитектурных памятников и парков. Вид многих старинных усадеб заставляет вспомнить строки А. Белого:

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грушу о былом:
«Ах, где вы, любезные предки?»
Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
дуплистые липы
над домом шумят...
Былое, как дым...
И жалко.

Постепенно возрождается интерес к усадебной культуре, она становится объектом изучения философских, исторических, экономических наук, и это неслучайно – без нее вряд ли возможно в полной мере познать смысл родной культуры.

Ощущение ценности усадьбы возникло именно тогда, когда реальностью стало уничтожение этого культурного феномена. В России еще в 1922 г. было создано Общество изучения русской усадьбы, которое, впрочем, вскоре было разгромлено, а его учредители оказались в лагерях.

Но интерес к изучению усадеб появился еще раньше, когда в период капитализации России начали меняться усадебный быт и социальная роль самих загородных имений. К раскрытию художественных ценностей старых «дворянских гнезд» обращается журнал «Старые годы», издававшийся в 1907–1916 гг. для любителей искусства и старины. На страницах этого журнала был опубликован целый ряд работ искусствоведов (П. Вейнера, И. Грабаря, С. Маковского и др.) о ценностях старинных русских усадеб, об их роли в жизни деятелей отечественной культуры.

В это же время историк и художник П.С. Шереметев задумывает серию изданий «Русские усадьбы», которые должны были выходить отдельными выпусками с описанием наиболее значимых в историческом и культурном плане усадеб России. В этой серии успели увидеть свет, к сожалению, только два выпуска: П. Шереметев. Вяземы (СПб., 1916) и М. Голицын. Петровское (СПб., 1912) [1, с. 82–83].

В начале XX в. публикации об усадьбах встречались в журналах «Мир искусства», «Экскурсионный вестник», «Русский архив», «Исторический вестник». Более 100 описаний «дворянских гнезд» поместил на своих страницах журнал «Столица и усадьба» (1913–1917 гг.). Выходили описания дворянских усадеб и в провинциальных изданиях [1, с. 84–85]. И хотя многие статьи в них носили описательный характер, сегодня, когда многие усадьбы или изменили свой облик, или вообще разрушены, все они имеют особую познавательную и научную ценность.

Сегодня совершенно ясно, что невозможно понять дух культуры, смысл творчества художника, не познав и не поняв того культурного пространства, в котором формировался внутренний мир творца, которое питало его мысли и чувства. Да, усадебный быт ушел в прошлое, в новом мире современной цивилизации реконструировать его невозможно. Но почему и в советское время в самых красивых местах создавались Дома творчества писателей, художников, музыкантов, актеров? Почему сложилась система дач для людей творческих профессий, в том числе для ученых и деятелей искусств? Да, в них нет усадебной уединенности – но относительно, вокруг ведь люди той же профессии. Да, многие строились стандартно, в них не было традиционной усадебной уникальности, но ведь были и те, которые размещались в старинных загородных имениях. Не было ли это попыткой, пусть неосознанной, воссоздать творческую атмосферу русской усадьбы, вскормившей отечественную культуру?

А широко развернувшееся дачное движение, стремление многих горожан сохранить и передать детям и внукам родительские и дедовские деревенские дома? Это еще одно подтверждение того, что город тесен для духа культуры, не удовлетворяет человека и просто возможность выехать отдохнуть на лоно природы. Ему хочется иметь свой уголок на земле, созданный по его замыслу. И это свидетельство того, что город и усадьба пересекаются в самой человеческой ментальности, они сосуществуют в духовной жизни человека.

Думается, что понятие родовой усадьбы сегодня не устарело. И речь здесь не о безвкусовых богатых особняках «новой элиты»,

а о тех уголках, которые создаются людьми разного достатка, но создаются для семьи, где закладываются традиции, которые могут передаваться от поколения к поколению. Они ориентированы на то, чтобы в них было не только удобно и комфортно, но и была возможность для развития человека, его творческих способностей и возможностей.

И возрождающиеся в современной России общества по изучению усадебной культуры также есть свидетельство того, что она не только наше прошлое, но и часть сегодняшнего дня, а скорее всего, и будущего.

Другая сторона этой проблемы – современная жизнь тех усадеб, которые стали музеями, историко-культурными заповедниками. Это те ценности, которые зримо соединяют прошлое и настоящее, позволяют почувствовать, ощутить ход исторического времени. И такие усадьбы – это не только памятник, это живой организм, существующий в контексте современной культуры. Жизнь таких усадеб обращена не только в прошлое, но и в будущее.

В этом плане очень верно выбрал приоритеты своей работы государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское». Здесь не только бережно хранят память великого русского поэта, здесь сохраняется истинный дух отечественной культуры, ее особая духовность. Здесь по-особому воспринимается мысль В.О. Ключевского, что «в России центр – на периферии» [3, с. 385]. После засилия бездуховной массовой культуры в столичных и нестоличных городах здесь – «русский дух, здесь Русью пахнет». Он ощущается не только в самой атмосфере пушкинской усадьбы, домах и парках Тригорского и Петровского, в Святогорском монастыре, но и в тех исследованиях и научных проектах, которые осуществляют сотрудники заповедника, в Концепции сохранения и развития заповедника, рассчитанной на первую четверть XXI века.

Пушкинский заповедник в Михайловском сегодня есть реальное свидетельство того, какой духовной силой обладает то культурное пространство, в котором наследие культуры активно включено в современную социокультурную реальность.

Этого не хватает во многих местах нашей Родины – и в ее новых городах, и в тех местах, по которым прокатилась своей разрушающей силой Великая Отечественная война. Но людям генетически свойственно стремление знать свое прошлое, прошлое своей страны. Это очень верно подметил В.О. Ключевский: «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения» [3, с. 390]. К прошлому мы обращаемся, чтобы понять настоящее, чтобы найти ответы на те вопросы, которые ставит перед нами современность. А для этого нам нужны не только знания о прошлом. Надо почувствовать обстановку прошлого, то пространство, в котором оно протекало. Новые города не дают нам такой возможности. И потому так стремятся люди к тем местам, где воочию ощущается связь времен, где оживает история, где прошлое ощущается не просто как прошедшее, а как та основа, на которой базируется настоящее. Пушкинский заповедник сохраняет для нас и для будущих поколений живую связь времен. В этом живописном уголке Псковского края не только бережно хранят наследие прошлого и помогают познать его новым и новым поколениям, но и творят для будущего, творят культурное наследие XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Злочевский, Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий / Г. Злочевский // Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. – 1992. – № 5. – С. 77–87.
2. Иванова, Л. В. К читателю / Л. В. Иванова // Мир русской усадьбы. Очерки. – М. : Наука, 1995. – С. 3–19.
3. Ключевский, В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1990. – 525 с.
4. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 399 с.
5. Марасинова, Е. Н. Культура русской усадьбы / Е. Н. Марасинова, Т. П. Каждан // Очерки русской культуры XIX в. В 6 т. Т. 1. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – С. 265–368.

TRADITIONS IN THE COUNTRY ESTATE CULTURE IN THE SOCIAL-CULTURAL SPACE OF RUSSIA

O.I. Sgibneva

The article deals with the problems of the country estate culture that is the part of the cultural heritage of Russia; this culture plays a specific role in the cognition of man and society. Conservation of cultural values is considered as a social process depicting the continuity of interconnections of different generations.

Key words: *cultural heritage, cultural values, continuity, traditions, social-cultural process, cultural space.*